

ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ В СРЕДНЕМ ПРИКАМЬЕ В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

А.П. Зыков

THE ETHNIC AND CULTURAL SITUATION IN THE MIDDLE KAMA REGION IN THE GREAT MIGRATION PERIOD

A. Zykov

Ключевые слова: великое переселение народов, Среднее Прикамье, пьяноборская, мазунинская и бахмутинская культуры

В настоящей статье автор на обширном археологическом материале и с привлечением данных исторических источников, делает попытку реконструкции этнополитических процессов в ареале распространения памятников мазунинской (бахмутинской) культуры. На раннем этапе (III-V вв.) мазунинское общество испытывало давление западных групп населения, что можно увязать с готской экспансией. Это привело частично к утере исконных территорий, частично к интеграции части пришельцев в мазунинскую среду (тураевский тип памятников). На позднем этапе (V-VII вв.) носители мазунинской культуры подверглись экспансии с юга, выходцами из Западной Сибири. По мнению автора, на этом этапе из мазунинской среды произошло выделение «бахмутинского анклава» (Бирский и Бахмутинский могильники) – части мазунинского населения, подвергшегося сильной ассимиляции со стороны южных и восточных пришельцев (турбаслинская и кушнаренковская культуры).

Keywords: great migration of peoples, Middle Kama, Pyanobor, Mazunino and Bakhmutino cultures

In this article the author on a vast archaeological material and involving historical data sources, makes an attempt at reconstructing ethno-political processes in the area of distribution of monuments of the Mazunino (Bakhmutino) culture. In the early stage (III-Vth centuries) the Mazunino society had experienced pressure of the Western groups that can be linked to the expansion of the Goths. This has led in part to a loss of ancestral lands, and partly to an integration of newcomers into the Mazunino surrounding (the Turayevo type sites). At a later stage (V-VIIth centuries) the Mazunino culture bearers were subjected to an expansion from the south, of newcomers from the Western Siberia. According to the author, at this stage from the Mazunino environment there occurred a separation of the «Bakhmutino enclave» (the Birsk and the Bakhmutino burial grounds). It was part of the Mazunino population exposed to a strong assimilation on the part of the southern and eastern newcomers (the Turbasly and Kushnarenkovo archaeological cultures).

Моё обращение к данной тематике и случайно, и закономерно. Более 20 лет назад, в феврале 1990 г. мне пришлось произвести выборку образцов для металлографических микроструктурных анализов из железных изделий с трёх памятников современной Республики Башкортостан в г. Уфа: Бирского, Бахмутинского и Старомуштинского могильников. В технологии обработки этой, в общем-то, случайной выборки был чёткий «балтийский след», неизвестно откуда возникший в кузнечной обработке лесного Приуралья конца IV-VI вв. и неизвестно почему исчезнувший бесследно в более поздний период. За 20 лет я прочитал немало археологической литературы по Приуралья, пытаюсь разобраться с этим «следом». Не скажу, что всё в прочитанном меня устраивало. Чтобы быть верно понятым своими коллегами – археологами в моих металлографических узкоспециальных штудиях, я обязан предпослать им более объёмную и более для меня трудоёмкую статью о собственном понимании археологической эпохи Великого переселения народов лесной зоны Средне-

го Прикамья. Я отлично понимаю, что в этой статье я неизбежно вынужден был задеть интересы многих своих коллег, возможно даже обидеть кого-то. Заранее приношу всем им свои извинения.

Мой взгляд на мазунинскую культуру III-V вв. Среднего Прикамья, на непосредственно её продолжающую бахмутинскую культуру V-VII вв. Северной Башкирии, на тесно с ними связанные курганные могильники тураевского типа конца IV – первой половины V вв. достаточно подробно изложен в отдельной работе [Щит и меч отчизны..., 2008. С. 64-76, 78]. На сегодняшний день хотелось бы отметить, что по моим представлениям мазунинские и бахмутинские памятники следует рассматривать в рамках одной археологической культуры второй половины III-VII вв. со сходными типами погребального обряда, поселений, городищ, неповторимым набором вещевого комплекса (бронзовых, железных, костяных, стеклянных украшений прически и костюма, оружия и орудий труда), очень малоизменчивым на протяжении почти 500 лет набором круглодонных

керамических сосудов. Самыми поздними комплексами культуры являются погребения 382 и 433 VII в. Бирского могильника [Мажитов, 1990. С. 261-266; Он же, 1993. С. 119-140]. Предложенная уважаемым Ниязом Абдулхаковичем Мажитовым датировка этих комплексов по обнаруженным в них монетам «хорезмийского чекана VIII в.» представляется неверной [подробнее см.: Зыков, 2010. В печати].

Затянувшаяся уже более чем на 50 лет дискуссия в археологической литературе кажется мне совершенно бесперспективной. В общем-то, без разницы, как в конечном итоге будет обозначено название этой культуры: бахмутинская с выделением раннебахмутинского (мазунинского) этапа второй половины III-V вв. по Н.А. Мажитову и его коллегам или мазунинская с выделением бахмутинского этапа VI-VII вв. по В.Ф. Генингу, Т.И. Останиной и их коллегам. То, что это рано или поздно произойдёт, что это будет делом нынешнего или будущих поколений башкирских и удмуртских археологов, лично я не сомневаюсь. Но писать эту работу я должен был сейчас, поэтому вынужден высказать свою точку зрения, не дожидаясь более корректных и обоснованных высказываний специалистов по мазунинско-бахмутинской проблематике.

Особенно интересно, что «...в мазунинском обществе не было резкого имущественного неравенства, сосредоточения богатства в руках малой семьи. Особенно это наблюдается на ранних этапах культуры. Все взрослые жители были полноправными членами рода» [Останина, 1997. С. 139]. Для такой подчеркнутой эгалитарности общества должны были быть свои причины. В предшествующий сложению мазунинской культуры период I – первой половины III вв. также достаточно эгалитарное общество пьяноборской культуры пережило этап резко обострившейся военной напряженности. Причём, угрозы со стороны внешнего врага явно не было, в степях Южной Башкирии население среднеарматской II в. до н.э. – I в. н.э. и позднесарматской II-IV вв. культур было очень немногочисленным. Участились как раз военные столкновения между пьяноборскими родами и племенами. Так, об этом свидетельствуют материалы Тойгузинского II городища, взятого штурмом в I в. н.э., где среди 44 останков погибших его обитателей были найдены 12 костяков, убитых стрелами с типично пьяноборскими втульчатými костяными наконечниками. То есть, очевидно, что пьяноборское городище-убежище было взято жестоким штурмом носителями этой же культуры.

О высокой военной опасности свидетельствуют многочисленные невооружённые клады II – первой половины III вв., зарытые в Среднем Прикамье [История башкирского народа. Т. 1. 2009. С. 267; История Удмуртии..., 2007. С. 178, 180]. То есть, в обществе пьяноборской культуры в этот период шли какие-то глубинные социальные процессы, которые угрожали взорвать его. Выходом из этой кризисной ситуации стал исход из Среднего Прикамья далеко на запад, в лесную зону Волго-Окского междуречья самой активной «взрывоопасной» части пьяноборского населения – тех, кто стремился стать военны-

ми вождями и их дружинниками, кто не пытался искать своего применения в хозяйстве, а находил его в военном деле, грабительских походах и набегах. После этого исхода, который, конечно, был не единовременным, а растянулся на долгий срок, в Среднем Приуралье наступила стабилизация. Это выразилось, прежде всего, в перестройке материальной культуры: пьяноборская и кара-абызская культуры постепенно трансформировались в мазунинскую (бахмутинскую) культуру.

После всех социальных потрясений, которые выпали на общество в пьяноборское время, теперь принцип эгалитарности становится господствующим. Особенно жёстко стал табуироваться погребальный обряд. Среди раннемазунинских погребений III-IV вв. нет богатых, свидетельствующих об особо высоком социальном статусе погребённых, даже в сравнении с могильниками предшествующих пьяноборской и кара-абызской культур. Это действительно было общество равных. Количество оружия в мазунинских могильниках резко падает. Наверняка, количество и наборы категорий оружия в могилах так же лимитировались. Совершенно запрещено было помещать в состав погребального инвентаря боевые шлемы и доспехи. На эту особенность мазунинского погребального обряда мне уже приходилось обращать внимание [Щит и меч отчизны..., 2008. С. 70].

Углублённое изучение пьяноборских и мазунинских могильников, проведённое уфимскими археологами В.А. Ивановым и В.В. Овсянниковым, позволило им прийти к выводу об «отсутствии в финно-пермской среде надродовых военных образований», то есть военных вождей и дружины, «...в момент военной необходимости молодые мужчины рода становились воинами», составляя ополчение, которое возглавлял «старейшина рода либо его молодой родственник» [Иванов, 1984; Овсянников, 1994. С. 52-88]. Любопытно, что при очень высокой степени строгости погребального обряда мазунинской культуры, запрещавшего присутствие в могильном инвентаре любых орудий труда, почему-то исключение делалось только для деревообрабатывающих инструментов – железных тёсел, скобелей, резцов, долот, свёрл. Инструменты этих видов с IV-V вв. начинают составлять яркую часть инвентаря могил мазунинской (бахмутинской) культуры [Мажитов, 1968. Табл. 15, 11, 12, 18; 28, 3; 29, 15, 17, 19; Останина, 1997. Рис. 20, 4]. Проушные и втульчатые топоры и косы должны быть исключены из перечня орудий труда, так как в могилы этой культуры они, по моему мнению, попадали в качестве оружия.

Очень сходные процессы происходили в первые века нашей эры северо-западной, в бассейне Вятки, где выделяются памятники азелинской культуры III-V вв. по В.Ф. Генингу или худяковской культуры I-V вв. с азелинской стадией III-V вв. по Р.Д. Голдиной и Л.А. Лещинской [Лещинская, 1994. С. 99, 100]. Здесь также в этот период фиксируется рост военной напряженности, о которой свидетельствуют следы пожаров на взятых штурмом городищах и найденные невооружённые клады. Особенно приме-

чательным из них был клад II-III вв. с Буйского городища, состоявший из 5 бронзовых гривен, 9 железных наконечников копий и 186 втульчатых тёсел [Ашихмина, 1987. С. 103-120].

В отличие от населения пьяноборской и мазунинской (бахмутинской) культур Среднего Прикамья и Северной Башкирии, этот кризис здесь удалось пережить без массового исхода активной «взрывоопасной» части населения и без создания подчеркнуто эгалитарного общества. Уже со второй половины III-IV вв. в могильниках бассейна р. Вятка у местного населения азелинской стадии худяковской культуры появляются погребения, которые вполне можно отнести к захоронениям представителей военной знати (вождей и дружинников). В этих же могильниках, порой и совместно с престижными наборами вооружения, найдены инструменты кузнецов: в погребении 88 Худяковского могильника – кузнечный молоток совместно с железным шлемом, втульчатым топором, удилами, скобелем, керамическим тиглем и льячкой [Голдина, 1987. С. 45. Рис. 6, 2; 10], в погребении 1 Азелинского могильника – молоток, клещи, напильник, наковаленка совместно с кольчугой, «боевой косой», резцом по дереву и другими предметами [Генинг, 1963], в погребении 45 могильника Тюм-Тюм – железный молоток, малые кузнечные клещи, наковаленка и напильник [Ошибкина, 1979. С. 75, 76]. Ничего подобного в гораздо более исследованных могильниках мазунинской (бахмутинской) культуры Среднего Прикамья и Северной Башкирии не выявлено. Лишь в двух наиболее поздних погребениях Тарасовского могильника I-V вв. (782 и 1679) обнаружены соответственно один и два куска железного полуфабриката – прокованных криц. Никаких железных кузнечных инструментов в этих двух могилах, вне всякого сомнения – мужчин-кузнецов, обнаружено не было. Зато погребение 782 содержало богатый набор воина-дружинника: меч с халцедоновым дисковидным навершием деревянной рукояти и халцедоновой бусиной-привеской, боевой нож, железный решётчатый шлем с наносником и нащёчниками, пояс с бронзовыми пряжкой и накладками, конские железные удила с кожаной упряжью, покрытой бронзовыми накладками [Голдина, 2003. Табл. 339-342; Она же, 2004. С. 138, 254]. Очевидно, подходы к погребальному ритуалу захоронений кузнецов у носителей азелинской культуры бассейна р. Вятка и мазунинской (бахмутинской) культуры Среднего Прикамья были очень разными.

А теперь необходимо вернуться к яркой судьбе покинувшего территорию пьяноборской культуры военно-дружинного элемента, исход которого в Западное Поволжье стал одной из основных причин складывания в Среднем Приуралье эгалитарной мазунинской (бахмутинской) культуры с жёстко табуированным погребальным обрядом. Прорвавшись на правобережье Волги, немногочисленные, но агрессивные, энергичные пьяноборские дружины покорили местное население городецкой культуры. Мигранты-завоеватели и их потомки оставили в лесной зоне Волго-Окского междуречья могильники I-IV вв. с неизвестным на этой территории ранее обрядом тру-

поположения в простых грунтовых ямных могилах: Кошибеевский грунтовый могильник у слияния рр. Цна и Мокша в Рязанской области, Сергачский I курганный могильник в Нижегородской области, Писеральский курганно-грунтовой могильник на территории Республики Марий Эл и многие другие. Все их объединяет присутствие в коллекциях большого количества прикамских бронзовых и железных предметов украшения одежды. Количество выявленных и исследованных могильников этого типа постоянно растёт, расширяется ареал их распространения [Белорыбкин, 2007. С. 167-179]. Из всех подобных погребальных памятников первой половины I тысячелетия Западного Поволжья особое значение имеет Андреевский курган I-II вв. на востоке Мордовии – самый ранний военно-дружинный некрополь в этом регионе.

Открытие в 90-х гг. XIX в. богатого Кошибеевского могильника, а затем и других археологических памятников этого края с большим количеством вещей, имеющих несомненные аналогии в пьяноборской культуре Прикамья, требовали от археологов осмысления этих фактов. Ещё П.П. Ефименко и М.Г. Худяков в своих работах 20-30-х гг. XX в. однозначно относили Кошибеевский могильник к мигрантам пьяноборской культуры. Но А.П. Смирнов отчленил памятники кошибеевского типа от пьяноборских, указав, что они сопровождаются иным плоскодонным типом керамики, отличным от круглодонных пьяноборских сосудов. Он считал памятники Цнинско-Мокшанского района вариантом городецкой культуры [Смирнов, 1952. С. 135, 138]. Позднее он пришёл к выводу «о непрерывной инфильтрации племён Прикамья на запад, начиная ещё с эпохи раннего железного века» [Смирнов, 1961. С. 103].

Основной исследователь и знаток древностей Прикамья конца раннего железного века и эпохи Великого переселения народов, В.Ф. Генинг, счёл маловероятным утверждать «об одновременном приходе крупного массива или даже длительной инфильтрации чегандинского (по В.Ф. Генингу – А.З.) населения из Прикамья в Западное Поволжье... Наличие вещей так называемого «пьяноборского типа» в волго-окских памятниках III-IV вв. не связано вообще ни с включением, ни с инфильтрацией пьяноборского населения и, более того, не имеет к ним никакого отношения... (Это – А.З.) подтверждается полным отсутствием в кошибеевских могильниках височных подвесок в виде разомкнутого кольца с конической подвеской, эполетообразных застёжек..., определяющих этнические особенности чегандинских племён... Наконец, керамика кошибеевского типа – плоскодонные сосуды, не имеют ничего общего с чегандинскими круглодонными чашевидными сосудами... В памятниках (Андреевском и Писеральских курганах – А.З.), датировемых I-II вв. н.э., обнаружены в массе вещи, служившие прототипами для «пьяноборских» из Кошибеевского могильника. Упомянутые памятники освещают заключительный этап развития культуры, синхронной чегандинской, в области Правобережья Волги. Так называемый «пьяноборский тип» в кошибеевских памятниках сви-

детельствует не о пришлое, а, наоборот, местном компоненте в культурах раннего средневековья Западного Поволжья» [Генинг, 1970. С. 194, 195].

П.Д. Степанов, автор раскопок и публикации Андреевского кургана, считал, что «накануне начала нашей эры в среду бывших городецких, то есть предков древнемордовских племён, воспринявших черты культур Прикамья..., вторгаются конники-завоеватели. Они огнём и мечом добиваются господства среди покоренных, становятся вождями, создают военные дружины, вооружают всех мужчин племени. Через завоевателей в Андреевский курган проникает третий компонент – савромато-сарматский (обряд захоронения в глубоких могилах с плечиками, воинские трофеи, масса оружия, захоронения в кургане и рабы)..., захоронения в насыпи Андреевского кургана... отличаются от погребений в грунтовых могилах. Они очень близки по характеру захоронений древнемордовским могильникам – Кошибевскому и Сергачскому. Очевидно, таким образом... оформилась древнемордовская племенная культура» [Степанов, 1980. С. 47].

В.В. Гришаковым и С.Э. Зубовым издана отдельная монография, посвященная полной перепубликации материалов Андреевского I кургана «I – начала (может быть, первой четверти) II в. н.э.», с исправлением всех ошибок и недоразумений издания П.Д. Степанова, с квалифицированным источниковедческим анализом погребального обряда и датировок этого памятника, поминально-жертвенного комплекса второй половины I – начала II в. н.э. Андреевского 2 кургана, связанного с ними Андреевского селища середины – третьей четверти I в. н.э. и расположенного всего лишь в 40 км восточнее этого археологического комплекса единокультурного с ним Староардатовского I кургана середины I в. н.э. [Гришаков, Зубов, 2009. С. 11-65].

Мне очень импонирует обоснованное отрицательное отношение В.В. Гришакова и С.Э. Зубова к городецкому и сарматскому компонентам Андреевского I кургана, радует их убежденность в необходимости поиска восточных истоков происхождения носителей писеральско-андреевского типа памятников I-II вв. н.э. [Там же. С. 70-84]. Но, в целом, предложенная модель их появления в Западном Поволжье в результате военного «выплеска» зауральского гороховско-саргатского населения при явно чрезмерно заниженной роли пьяноборского компонента [Там же. С. 84-94] вызывает большие сомнения. В курганах гороховской и саргатской археологических культур лесостепного и южнолесного Зауралья обязательным элементом были кольцевые ровики, неизвестные во всех исследованных писеральско-андреевских курганах. В них также не было найдено каких-либо вещей, специфичных именно для гороховской или саргатской культур. Без наличия подобных строгих доказательств модель военного «выплеска» зауральского населения на рубеже эр в Западное Поволжье остаётся не более чем остроумной гипотезой. По меткому замечанию рецензента этой монографии В.А. Иванова «с таким подходом можно не соглашаться, но и опровергнуть его на данном уровне ос-

мыслиния имеющегося материала довольно трудно» [Там же. С. 3, 4].

И ещё один очень любопытный момент, который никак не оговаривают соавторы данной книги, но который очень важен для всех последующих рассуждений. В монографии В.В. Гришакова и С.Э. Зубова приводится публикация раскопанного П.Д. Степановым Староардатовского I кургана. Он датируется «приблизительно серединой I в. н.э.». Захороненный в нём отнесён авторами к I рангу андреевских умерших, уложенных в обширные могилы I типа и сопровождаемых стандартным набором вооружения, включающим обязательно меч или палаш, один-два наконечника копья, колчаные наборы со стрелами [Там же. С. 62-65, 67, 68. Рис. 2; 3; 32; 33].

Это практически всё, что сказано соавторами о Староардатовском I кургане с его глубокой центральной могилой с очень необычной юго-восточной ориентировкой костяка. Но ведь и в Андреевском I кургане при абсолютном преобладании костяков, захороненных головой к северу с отклонениями к северо-востоку или северо-западу, при двух погребениях, ориентированных головой к востоку, всё же отнюдь не малую долю составляют 11 костяков (погр. 6, 10, 25/4, 33, 39, 45, 46, 49, 51-53), ориентированных головой к югу с отклонениями к юго-западу и юго-востоку [Там же. Рис. 8]. Ясно, что значительная доля их принадлежала женщинам и мужчинам – рабам, т.е. представителям автохтонного завоеванного населения. Но были среди них и одиночные погребения мужчин-воинов (погр. 33, 45, 52). Не здесь ли в бассейне Нижней Суры и следует искать прародину носителей культуры курганов тураевского типа с их глубокими могилами, костяки которых были ориентированы головами к югу и юго-западу?

Первоначально при публикации материалов Писеральских курганов А.Х. Халиков считал, что «пьяноборское население в Западном Поволжье, очевидно, вышло одновременно, и причём крупным массивом, и этот выход нельзя датировать раньше, чем конец II в. н.э.» [Халиков, 1962. С. 137]. Однако в дальнейшем, уже после раскопок и публикации П.Д. Степановым материалов Андреевского кургана, после публикации монографии В.Ф. Генинга с ясным изложением его позиции, Альфред Хасанович очень круто изменил свои взгляды, передать которые кроме как прямым цитированием невозможно: «Первый натиск гуннов в Европе, очевидно, испытали южноуральские племена..., а так же позднесарматские племена Нижнего Поволжья. Часть этих смешанных племён, вобравших в свою культуру как позднесарматские, так и позднепьяноборские особенности, а так же новые южнотаёжные черты, в том числе и характерное для кочевников оружие – саблевидные палаши, сложный лук и т.п., не позднее конца II века н.э. продвинулась далеко на северо-запад, в западные районы Среднего Поволжья...» [Халиков, 1986. С. 75].

По-моему, оспаривать всю несуразность подобного взгляда А.Х. Халикова на неординарные памятники, появление которых действительно необратимо изменило в первые века нашей эры весь ход этно-

культурного развития населения лесной зоны Западного Поволжья, просто незачем. Тем более, что это было сделано в достаточно решительной форме Г.И. Матвеевой в заключительной статье того же сборника [Матвеева, 1986. С. 160]. Она считала, что «...невозможно согласиться с А.Х. Халиковым, который считает Андреевский, Писеральский и Сергачский могильники памятниками степных гунно-тюркских племён, продвинувшихся в Поволжье...». Г.И. Матвеева, напротив, считала, что «...с Востока из Прикамья на территорию городецкой культуры проникают племена пьяноборской культуры. В результате интеграции пьяноборских и городецких племён при участии пшеворско-зарубинецких компонентов складывается культура поволжских финно-угров II-V вв., которую часто называют позднеголоденской. Процесс смешения пришлого и местного населения нашёл отражение в Андреевском кургане в Мордовии...» [Там же].

При таком разном мнении, подчас исключавших друг друга, сложившихся у ведущих специалистов – археологов по поводу рассмотрения одного узкого круга памятников, весьма сложно было сформулировать собственную точку зрения на них же. В соответствующем разделе коллективной монографии, написанном ещё за два года до её опубликования, я предложил отнести захороненных в грунтовых могилах второй половины I в. до н.э. под насыпью Андреевского кургана к военным вождям и дружине завоевателей – балтов, пришедших приблизительно из районов Верхнего Понеманья (венетов Тацита), а погребённых в могилах в насыпи кургана в I-II вв. – к местному позднеголоденскому населению [Щит и меч отчизны..., 2008. С. 68, 69]. Но на сегодняшний день, благодаря более внимательному анализу текста и иллюстраций монографии П.Д. Степанова, я пришёл к твёрдому убеждению, что это был некрополь I-II вв. одной военно-дружинной группы выходцев с территории пьяноборской культуры Среднего Прикамья.

Вопрос о том, кем же были военные вожди и дружинники, захороненные в Андреевском кургане самого конца I в. до н.э. – II в. н.э., для меня абсолютно ясен – конечно же, выходцами с территории пьяноборской культуры Среднего Прикамья, в чём я вполне солидарен с Г.И. Матвеевой. Большая часть собранного в его погребениях инвентаря имеет многочисленные аналогии в памятниках Прикамья. Ещё более явные параллели с лесным Приуральем прослеживаются в оружии Андреевского кургана. Наконечники копий имеют многочисленные аналогии в культурах Приуралья, в том числе и в пьяноборской. Комплекс железных наконечников стрел имеет несомненные истоки в приуральских культурах, но окончательно он мог сложиться уже в самых низовьях Камы, вне пределов ареала пьяноборской культуры, при движении будущего андреевского коллектива на запад. Небольшое количество железных наконечников стрел, кинжалы с кольцевым навершием, длинные двулезвийные мечи – все они относятся к оружию типичных сарматских типов, широко распространенных во многих археологических куль-

турах, как сопредельных, так и достаточно удаленных от зон кочеваний сармат, в частности, в пьяноборской культуре [Васюткин, Калинин, 1986. С. 113, 115. Рис. 15, 5, 16; 16, 1-6, 9]. Хотя как-то связывать находки этого популярного в тот период оружия обязательно с походами и миграциями сарматских кочевников, по-моему, несерьёзно.

Очень любопытна находка в самом раннем погребении 25 Андреевского кургана у левой руки костяка 25/2 явно несарматского меча с широким линзовидного сечения двулезвийным клинком и вытянутым острием. У него был тонкий квадратного сечения длинный черен рукояти. Судя по описанию и рисунку в монографии П.Д. Степанова, общая длина меча составляла 78 см, длина клинка 61,5 см, ширина клинка до 4,4-4,8 см [Степанов, 1980. С. 16. Табл. 9, 14]. Скорее всего, это был колюще-рубящий *gladius hispaniensis* – легионерский римский меч I в. до н.э. с чуть более коротким клинком, чем клинки гладиусов из Смихеле в Словении длиной 62-66 см первой четверти II в. до н.э., но чуть более длинным, чем римские мечи начала I в. н.э. с клинками 50-56 см длиной [Коннолли, 2000. С. 130, 131, 232, 233]. Но единственное, что их объединяет – это очень характерное вытянутое колющее острие при большой ширине рубящего клинка. Лишь со второй половины I в. н.э. в римском вооружении появились легионерские мечи с иным, более коротким, острием.

Но единственный вид оружия Андреевского кургана, неопровержимо свидетельствующий о приходе его создателей из Среднего Прикамья – это палаши. В данном случае это клинки двух типов: с короткими прямыми железными перекрестиями без наверший из подкурганых погребений (погр. 25 и 50), а также – с широкими пластинчатыми манжетами-перекрестиями и железными калачевидными навершиями из могил в насыпи кургана (погр. 2, 21, 22, 32, 43 и 49). Оба типа андреевских палашей имеют точные аналогии в могильниках пьяноборской культуры. Однолезвийные клинки из подкурганых погребений военных вождей самого конца I в. до н.э. – первой половины I в. н.э. имеют близкую аналогию мечу из погребения 7 могильника Чеганда II [Генинг, 1970. С. 62. Табл. XI, 1]. Скорее всего, бронзовые литые детали навершия и ножен чегандинского палаша имеют несомненное сходство с оформлением предохранительных футляров из «белого металла», надетых на острия наконечников копий из погребений 25/1 и 54 Андреевского кургана. Ещё один обломок однолезвийного клинка найден в погребении 36 того же могильника Чеганда II [Там же. С. 63]. Длинный палаш без навершия и перекрестия известен из погр. 1291 Тарасовского могильника [Голдина, 2003. Табл. 499, 3; Она же, 2004. С. 207]. Полную аналогию андреевский палаш с литым наконечником ножен из погребения 25/1 находит в погребении 18 Клишкинского кургана в Западном Поволжье [Гришаков, Зубов, 2009. С. 43].

Пьяноборские аналогии андреевским палашам второго типа также существуют, но, к сожалению, они до сих пор почти не публиковались и мало кому известны. Эти палашы были найдены в погребениях

71, 78 и 79 могильника Нырғында II во время раскопок В.Ф. Генинга 1968 г. Нырғындинские палаши имели прямые однолезвийные клинки с колющим остриём длиной от 51,7 до 74,7 см при ширине от 2,2 до 2,7 см. Лишь самый короткий клинок из погр. 71 имел небольшую серповидную искривленность к лезвию и, судя по фотографии в отчете, имел съёмное полое бронзовое навершие с антенновидным завершением, очень близкое (почти аналогичное) съёмному бронзовому навершию палаша из погр. 7 могильника Чеганда II. Два остальных, также судя по фотографиям, первоначально имели калачевидные навершия, из них к моменту зарисовки оно сохранилось только у палаша из погр. 78. Данное навершие было изготовлено из отдельной железной детали, концом которой ковкой были приданы ромбовидные утолщения – «шишечки», в центральной части детали было прошито сквозное отверстие. После этого навершие калачевидно сгибалось и жестко насаживалось отверстием на черен палаша.

Судя по наиболее сохранившимся палашам из погребений 2, 22, 32 и 43 Андреевского кургана, их навершия были изготовлены точно так же [Степанов, 1980. Табл. 8, 6; 19, 23; 24, 14; 41, 8, 9, 11]. При переходе от тонких скошенных к лезвию черенов к клинкам все ныргындинские палаши имели манжеты, сваренные из широких железных пластин, почти не выступающих за ширину клинков. Манжеты сделаны для удобства крепления деталей деревянных рукоятей и упора погружения клинков в ножны, а не для удобства фехтования. Такие же манжеты были у второго типа андреевских палашей. Длинные палаши с прямыми короткими перекрестиями и калачевидными железными навершиями известны из пьяноборских погребений 733 и 1317 Тарасовского [Голдина, 2003. Табл. 315, 27; 509, 10; Она же, 2004. С. 130, 210], 133 и 143 Афонинского могильников Среднего Прикамья. У афонинских палашей перекрестие имеет вид широкого плоского пластинчатого манжета, подобного ныргындинским и андреевским второго типа образцам. В Западном Поволжье, кроме Андреевского кургана, палаши с калачевидными железными навершиями обнаружены в погребении 13 Кошибеевского и в разрушенном погребении Сергачского могильников. Железное калачевидное навершие «в виде «рожек» представлено в материалах I-III вв. н.э. городища Пикче-Сорче в Чувашии [Гришаков, Зубов, 2009. С. 50. Рис. 40, 4, 5].

Палаши могильников Чеганда II, Нырғында II, Афонинского и Тарасовского являются самым древним в Европе однолезвийным клинковым оружием, появившемся в вооружении носителей пьяноборской культуры задолго до прихода в степи юга Западной Сибири и Казахстана предков гуннов и, кажется, независимо от них. Причины выработки населением Среднего Прикамья этого элитарного вида оружия мне неизвестны, но, без сомнения, в Западное Поволжье оно попало вместе с пьяноборскими мигрантами.

Лично у меня нет никаких сомнений, что столь массовое появление в памятниках лесной зоны Волго-Окского междуречья первых веков нашей эры типа Андреевского кургана, Писеральского, Кошибеев-

кого и других могильников вещей «пьяноборского типа» при отсутствии здесь каких-либо для них местных истоков и прототипов было невозможно без прихода сюда мигрантов из Среднего Прикамья. Остаётся найти объяснение, почему во всех этих памятниках нет «... височных подвесок в виде разомкнутого кольца с конической подвеской, эполетообразных застёжек...», определяющих этнические особенности...» пьяноборского населения, нет характерных для него «круглодонных чашевидных сосудов» [Генинг, 1970. С. 194]. Объяснение может быть только самым простым: прорвавшиеся через Волгу на территорию городецкой культуры вооружённые отряды пьяноборских мигрантов были в основном мужскими, женщин с ними не было или почти не было. Это было вторжение дружин, потерпевших поражение в гражданской войне на территории пьяноборской культуры Среднего Прикамья и ставших изгоями, а никак не массовое переселение «народа – войска». Примеров последнего достаточно много в Приуралье. Например, массовые миграции угров из Зауралья, оставивших памятники бродовской стадии конца IV-V вв. неволинской культуры, кушнарниковской культуры VI – первой половины VIII вв., имевших не только своеобразные наборы оружия, бронзовых и костяных изделий, но и своеобразной керамики, встречающейся по обе стороны Уральских гор.

В данном же случае немногочисленные, но агрессивные, энергичные, прекрасно вооружённые и организованные дружины пьяноборских воинов-мужчин, среди которых без сомнений были кузнецы и бронзолитейщики, смогли поставить под контроль местных жителей – носителей городецкой культуры, смогли навязать им свои более передовые культурные стереотипы. Недаром собственно городецкая культура заканчивается I в. н.э., а далее «... складывается культура поволжских финно-угров II-V вв., которую часто называют позднегородецкой» [Матвеева, 1986. С. 160]. А если учитывать такой памятник, как Андреевский курган, то начало этого процесса датируется никак не позднее конца I в. до н.э. – первой половины I в. н.э. Главным было то обстоятельство, что завоеватели – пьяноборцы от местного населения лесной зоны Волго-Окского междуречья получали не только своих рабов и подданных, но и ... жен и наложниц. А, значит, и неизбежно быстро начинали ассимилироваться. Уже в ранних подкурганских погребениях Андреевского кургана, не говоря уже о более поздних могилах в его насыпи, встречаются только плоскодонные сосуды поднегородецкого типа, а все женские захоронения с пьяноборскими вещами не содержат бесспорных (по В.Ф. Генингу) пьяноборских этнических стереотипов – «височных подвесок в виде разомкнутого кольца с конической подвеской, эполетообразных застёжек» [Генинг, 1970. С. 194]. Так начала складываться очень своеобразная материальная культура поволжских финно-угров, пьяноборская в своей основе.

Что же нового, неизвестного в Среднем Прикамье привнесли завоеватели – пьяноборцы в Западное Поволжье? Как мы уже пытались разобраться

выше, костюм и комплекс вооружения были полностью пьяноборскими. В Кипчаковском могильнике пьяноборской культуры обнаружен единственный на сегодняшний момент наборный пластинчатый железный шлем и несколько панцирных пластин из двух погребений. Погребения патриархальных рабов, крайняя редкость погребений детей до 4-5 лет, захоронения костяков с отрубленными головами и отдельные захоронения человеческих черепов хорошо известны по могильникам пьяноборской культуры [История башкирского народа, 2009. Т. I. С. 263, 264, 266]. Новой, неизвестной ранее, была более высокая социально-политическая организация общества, основанная инородными завоевателями в Западном Поволжье. Стержнем её являлась абсолютная власть наследственных военных вождей, которые были захоронены в больших и глубоких подкурганных погребениях 25 и 50 Андреевского кургана. Власть вождей опиралась на военные дружины, которые были чётко стратифицированы. Они делились на более привилегированную, опытную, вооружённую для всех видов боя конницу, составлявшую примерно треть дружины и пехоту, имевшую оружие либо только для ведения ближнего контактного боя, либо только для дистанционного боя. Очевидно, главным при делении на конницу и пехоту был возрастной принцип. В пехоте по преимуществу несли службу либо молодые, ещё не набравшие опыта дружинники, в основном лучники, либо пожилые и увечные. Все вожди и практически все дружинники, захороненные в Андреевском кургане, были мигрантами из Среднего Прикамья или их потомками. Их власть опиралась на массу покорённого населения Западного Поволжья – потомков носителей городецкой культуры. Для местного населения все пьяноборские вожди и дружинники стали сословиями инородной аристократии – случай, далеко не новый в истории человечества.

Захватив лесную зону Волго-Окского междуречья, отряды пьяноборцев – завоевателей поставили под свой контроль все основные торговые пути вывоза пушнины с бассейна Камы со всеми её притоками и бассейна Ветлуги. Через подконтрольную им территорию осуществлялась вся торговля по Волге – Дону или Сура – Дону через сарматские территории до городов Танаиса и Пантикапея и далее до рынков Римской империи. Существовал и другой путь от Волги по Оке, Десне, Днепру, Припяти до побережья Балтийского моря. Существование этого пути во II-V вв. документируется целой цепочкой находок на нём и в прилегающих к нему районах вплоть до ареалов азелинской и мазунинской (бахмутинской) культур большого числа вещей германского (прибалтийского) происхождения [Бажан, Васкул, 1988. С. 76-89; Щукин, 2005. Рис. 80; 81]. Этот путь проходил по безопасной территории в обход полосы миграции готов и других восточногерманских племён, в I-III вв. прошедших от берегов Балтики до Украины и Северного Причерноморья, отголосками которой стали Маркоманская (167-180 гг.), «скифские» или «готские» (230-275 гг.) и многие другие более мелкие войны германских и прочих варваров с Римской империей.

Контроль лесной зоны Волго-Окского междуречья позволял местным вождям сильно обогащаться за счёт сверхвыгодной для всех участников международной торговли. Свидетельств этому немного, но они есть. В 1875 г. на р. Инсара, притоке Алатыря, левого притока Суры у д. Шильникова Саранского уезда Пензенской губернии, фактически недалеко от места расположения Андреевского кургана, был найден клад римских серебряных монет последней трети I – начала III вв. Он включал до 150 монет, чеканенных от имени римских императоров, их соправителей и жён. Самая старшая монета в составе Шильниковского клада – денарий Веспасиана (69-79 гг. правления), младшая – денарий императрицы Юлии Мамеи, правившей вскоре после Септимия Севера (193-211 гг. правления). В.В. Кропоткин считает возможным отнести зарытие этого клада ко времени не ранее конца III – начала IV вв. [Кропоткин, 1984. С. 138, 139].

На мой взгляд, Шильниковский клад разительно отличается от многочисленных кладов и находок отдельных римских серебряных монет I – начала III вв. черняховской культуры середины III – начала V вв. Здесь огромное количество серебряных монет, практически уже вышедших на территории империи из обращения, где вообще перешли на медно-золотую систему – это часть выплат готам-федератам из запасов римской казны. Полновесные серебряные монеты I-II вв., выпущенные до кризиса III в. и связанным с ним обесцениванием денег, вызывали доверие варваров, охотно их принимавших в качестве платы и использовавших в качестве денег уже на территории черняховской культуры – единого политического организма протогосударственного типа, известного как «держава Германариха» IV в. Более того, по мере истощения запасов старых серебряных монет в казне, император Констанций был вынужден чеканить новые денарии «императоров II в.» – специально для расчётов с варварами [Славяне и их соседи..., 1993. С. 157, 160. Карта 27; Щукин, 2005. С. 201, 202].

Монеты Шильниковского клада – это результат длительного более чем 140-летнего накопления отчислений от торговых операций. Поэтому неудивительно, что в его составе присутствуют денарии почти всех императоров Рима, их соправителей и жён с 70-х гг. I в. до начала III в. Но в начале «скифских» или «готских» войн, казалось бы без всякой связи с ними, «приблизительно между 244 и 247 г., а скорее всего – вскоре после 251 г. нещадному разгрому подвергся Танаис» [Щукин, 2005. С. 138]. Кем в точности были разорители Танаиса – неизвестно, письменные источники об этом молчат. Но, судя по находкам в разрушениях нескольких умбонов щитов явно центральноевропейского происхождения [Там же. С. 138. Рис. 48], и логике последующих событий – это была какая-то часть многоплеменного союза, возглавляемого готами.

Весь последующий период – это череда «скифских» или «готских» войн Империи. Естественно, что ни о какой торговле населения лесов Поволжья и Приуралья с Римской империей через порты Чёрно-

го моря говорить немислимо. О крайне низкой степени связей говорят находки единичных медных римских монет III в. императоров Александра Севера (223-235 гг.), первого «солдатского» императора Максимилиана I (235-238 гг.), использовавшихся в качестве подвесок в погребениях Ижевского могильника мазунинской культуры и Рождественского V могильника азелинской культуры, а также случайной находки 1873 г. на городище Болгара медной монеты императора Аврелиана (270-275 гг.). Судя по тому, что экземпляр Ижевского могильника был чеканен в г. Томы в Мёзии, все эти монеты были частью добычи готских походов «скифских» войн [Кропоткин, 1984. С. 139, 140]. Торговля, несмотря ни на что, конечно же, продолжалась, но шла она преимущественно по Волго-Окско-Днепровско-Неманскому пути к восточному побережью Балтийского моря, обходя беспоконные земли, затронутые переселением готов и других восточногерманских племён. Именно по этому пути уходила большая часть пушнины, добытая в лесах Левобережного Поволжья и Приуралья, именно по нему доставлялись прибалтийские изделия: шлемы, кольчужные доспехи, мечи, боевые проушные топоры, новые типы деталей поясной гарнитуры. Начиная с III в. набор подобных вещей начинает оседать в могильниках азелинской и мазунинской (бахмутинской) культур Прикамья, становясь неотъемлемой частью их облика.

С последней четверти III века, после пресечения всех попыток переселения готов и возглавляемого ими аморфного многоплеменного военно-политического союза на свои земли, Римская империя стала выходить из глубокого экономического и политического кризиса. С готами был заключён феодус, который те свято соблюдали на протяжении почти всего IV в. [Щукин, 2005. С. 199, 219-222]. Мирная обстановка позволила потестарному сообществу различных племён под руководством готов создать яркую черняховскую археологическую культуру провинциально-римского типа.

После жестоких поражений в серии «скифских» войн и заключённых мирных соглашений, путь для набегов на богатые и притягательные земли Римской империи и её союзников – Боспорского царства, Херсонеса и Ольвии был для готов заказан. И на протяжении целого столетия до 378 г. они ни разу не пытались нарушить прочный взаимовыгодный мир. Для огромной, нерастроченной военной активности готов, кроме, естественно, службы её молодежи федератами и вспомогательными частями в составе римской армии, оставались войны с северными соседями. Сведения об этих войнах содержатся в легендарном патетическом отрывке о великих деяниях короля готов Германариха в трактате Иордана «О происхождении и деяниях гетов» или более кратко «Гетика», написанном в 550-551 гг.

В нём Иордан изложил достаточно пространственные сведения о покорении готами герулов, венетов, эстов и длинного перечня «воинственных северных племён... гольтескифов, тиудов, инауксов, васинабронков, меренс, морденс, имнискаров, рогов, тадзанс,

атаул, нивего, бубегонов, колдов...», которых Германарих «... покорил... и заставил повиноваться своим законам» [Jord. Get. 116-120].

Во всём пространным списке «северных племён» Иордана, действительно в основном невразумительном и не поддающимся никакой расшифровке, интересно упоминание о «меренс» и «морденс» – племён мери и мордвы лесной зоны Волго-Окского междуречья. Есть ли хоть какие-то археологические факты, которые могли бы подтвердить сведения о войнах IV в. готов с этими северными народами, о которых упомянул готский историк в Италии в середине VI в.?

Во второй четверти I тыс. н.э. в лесостепной зоне Среднего Поволжья начинает складываться именьковская археологическая культура: сначала предшествующие ей памятники славянского типа III-IV вв. [Агапов и др., 1981. С. 119] и лбищенского типа III-IV вв., а затем и собственно сложившаяся на их основе именьковская культура V-VII вв. Г.И. Матвеева считала, что она не имела здесь генетических корней и была оставлена пришлым с запада зарубинецко-пшеворским населением, скорее всего славянским (или балтским?) по происхождению [Матвеева, 1981. С. 52-71; Она же, 1986. С. 159-164, 166-168]. А.В. Богачёв допускал возможность, что в этой миграции с запада принимали участие отдельные группы германского населения, принесшие в Среднее Поволжье специфические домостроительные традиции, связанные со строительством «больших домов» [Богачёв, 1991. С. 159-171].

Лично мне трудно предположить, что эта культура «полей погребений» сложилась в полной независимости от потестарного сообщества, возглавляемого готами, ставка которых находилась в Нижнем Поднепровье, что готские конунги из рода Амалов понятия не имели о существовании независимого от них Балто-Волжского «пушного пути». Скорее наоборот – отлично знали, как поставить этот путь под собственный контроль. Сначала нужно было покорить племя «морденс» – мордвы, вожди которого извлекали основные прибыли из пушной торговли, связавшей лесное Приуралье с Прибалтикой.

Дата зарытия Шильниковского клада в конце III – начале IV вв. [Кропоткин, 1984. С. 139] видимо достаточно точно отражает, когда наступил самый драматический пик «готского» давления на лесное население Западного Поволжья. Но почему-то севернее Среднего Посурья носители именьковской культуры (или лбищенского типа памятников?) продвигаться не стали, покорение племени «морденс» – мордвы не было завершено. Нужда в этом отпала. Те, кто руководил наступлением на «морденс» – мордву, выяснили, что основная пушнина добывается не здесь, а в Прикамье, куда и отступили военные вожди «морденс» с их дружинами, сдаваться готским конунгам отнюдь не собиравшиеся. Военные действия пришлось переносить на волжское левобережье – в Нижнее Прикамье и Волго-Бельское междуречье. То, что заняло здесь всего несколько строк, в действительности растянулось на большую часть IV века. Никакие письменные источники события этой почти «столетней войны» не освещают. В на-

шем распоряжении лишь археологические памятники именьковской культуры (или лбищенского типа?), в течение IV в. постепенно сменяющие более ранние памятники азелинской культуры на левобережье Нижней Камы.

И вот, в конце IV в., на западной границе ареала мазунинской (бахмутинской) культуры появляются самые ранние курганы III (погребение 2), VI и VIII Тураевского могильника. Более поздние тураевские курганы III (погребение 1), IV и VII относятся к началу и, вероятно, к первой четверти V в., курганы I и V – ко второй четверти V в. [Генинг, 1976. С. 108]. Сейчас известно уже три курганных могильника тураевского типа: Тураевский и Старомуштинский на западной границе ареала мазунинской (бахмутинской) культуры и Кудашевский – на восточной границе, на р. Тулве. Все они обладают одной особенностью: их курганы расположены в окружении большого числа одновременных им грунтовых погребений мазунинской (бахмутинской) культуры.

Почти все исследователи, обращавшиеся к теме этих уникальных курганов, соглашались, что они были оставлены пришлым инородным для Среднего Прикамья населением. Первым свою точку зрения выразил В.Ф. Генинг в полной публикации материалов Тураевских курганов: «...По южно-уральским степям и Нижнего Поволжья прокатилась орда гуннов и тураевская группа, по-видимому, была одной из тех, которых гунны вовлекли в движение на Запад. Но тураевская группа перед нашествием гуннов на причерноморские степи (370 г.), по-видимому, оторвалась от них и ушла на север в Нижнее Прикамье» [Там же]. Вслед за ним большая группа авторов (А.Х. Халиков, Е.П. Казаков, Н.А. Мажитов, Г.Н. Гарустович, Ф.А. Сунгатов, Р.М. Юсупов, А.В. Богачёв и др.) склонны были рассматривать эти памятники в качестве принадлежащих кочевникам сарматского или гуннского круга.

Г.И. Матвеева, напротив, считала, что Тураевский могильник нельзя относить к кочевническим памятникам и настаивала на его принадлежности к княжеским погребальным комплексам пшеворской культуры [Матвеева, 1986. С. 164-166]. Её взглядам близки точки зрения П.Н. Старостина о том, что тураевская группа «... могла прийти с юга или юго-запада вместе с именьковскими племенами» [Старостин, 1997. С. 31], Р.Д. Голдиной о том, что памятники тураевского типа появились в конце IV в. в Среднем Прикамье в результате юго-западной черняховско-вельбаркской миграции [Голдина, 1999. С. 274; Голдина, Волков, 2000. С. 102, 103] или, по И.Ю. Пастушенко, в результате прихода сюда «дружинной группировки готов или этнически близких им племён» [Пастушенко, 1998. С. 187, 188].

С.Г. Боталов отверг и «гуннскую» и «гото-славянскую» версии происхождения памятников тураевского типа, заявив о их «единокультурном характере» с мазунинской культурой и что «... наличие подобных княжеско-дружинных образований на юго-западных рубежах большого этно-культурного финно-угорского массива в период бесчисленных военных кампаний Великого переселения народов – вполне

закономерное явление» [Боталов, 1999. С. 156]. Правда, в вышедшей чуть позднее монографии он вместе со своим соавтором ограничился лишь тем, что «...детальный разбор особенностей погребального обряда тураевцев не позволяет соотнести данный комплекс с гунно-сарматским», пообещав рассказать об этом ниже, но более к этому они уже в дальнейшем тексте не возвращались [Боталов, Гущалов, 2000. С. 183].

В коллективной книге Института истории и археологии УрО РАН я впервые написал, что те, кто захоронен в курганах могильников тураевского типа – Тураевском, Старомуштинском и Кудашевском Среднего Прикамья – были далёкими потомками тех, кто был захоронен в Андреевском кургане конца I в. до н.э. – II в. н.э. в восточной Мордовии. За 350-400 лет проживания в лесной зоне Западного Поволжья бывшие выходцы из ареала пьяноборской культуры, военные вожди и их дружинники полностью ассимилировались в среде некогда покорённых ими поволжских финно-угров, где они стали правящим аристократическим элитным сословием. И когда под натиском выходцев с территории «готской державы Германариха», аморфного многоплеменного потестарного сообщества, возглавляемого готами, остатки отрядов военных вождей племени «морденс» – мордвы дошли до западных границ ареала мазунинской (бахмутинской) культуры, для её населения они были инородными изгоями [Щит и меч отчизны... , 2008. С. 67-74].

Но, тем не менее, их приняли. Ведь за ними шли гораздо более сильные и опасные захватчики – носители формирующейся именьковской культуры или лбищенского типа памятников, а по сути – северо-восточной ветви огромного готского сообщества, занимавшего большую часть Восточной Европы. Финно-пермскому населению мазунинской (бахмутинской) культуры Среднего Прикамья искать союзников было просто негде. На юге их ареала, на Средней Белой, накапливались разрозненные позднесарматские племена, позднее, в V веке, консолидировавшиеся в турбаслинскую культуру. На восточных границах, в Сылвенско-Иренском междуречье и Пермском Прикамье, стали оседать группы угорских мигрантов из Зауральской лесостепи, оставившие здесь памятники бродовской стадии конца IV-V вв. неволинской и бурковской стадии конца IV-V вв. ломатовской культур. И сарматы и угры были изгоями-беженцами, пытавшимися укрыться в Приуралье от ещё более страшного общего врага – гуннов, начавших в этот период, во второй половине IV в., своё завоевание Европы.

Мы не знаем и, наверное, никогда не узнаем, на каких условиях общины мазунинской (бахмутинской) культуры, поборники всеобщего строго равенства, приняли на свою территорию мордовских военных вождей – «князей» с их потрепанными дружинами, но с устоявшимися военно-потестарными многовековыми традициями. Что это было – какой-либо вариант «призвания на княжение», заключение какого-то военно-оборонительного союза против общих врагов или что-то другое? Как бы то ни было, пришель-

цев на территории мазунинской (бахмутинской) культуры приняли вполне мирно, курганы всех трёх ныне известных могильников тураевского типа быстро обросли окружающими их полями грунтовых погребений местного населения.

Относительно спокойному расселению «тураевцев» в Среднем Прикамье способствовала сложившаяся в это время «внешнеполитическая обстановка». В 70-х гг. IV в. гунны, завершив долгий период войн по покорению сарматских племён степей Заволжья, Волго-Донского междуречья и Северного Кавказа, обрушились на готскую державу Германариха в степной и лесостепной зонах Северного Причерноморья. Она неожиданно быстро рухнула: часть готов (вестготов), спасаясь от гуннов, осенью 376 г. перешла Дунай и расселилась в Римской империи, восточногерманские племена разгромленного готского союза остготов, гепидов, герулов и других покорились гуннам. В самом конце IV – самом начале V вв. черняховская культура прекратила своё существование [Щукин, 2005. С. 235-254]. Таким образом, отдельный славяно-балто-германский анклав в Среднем Поволжье оказался совершенно изолированным от своей «готской прародины». Здесь на основе предшествующих ей памятников славянского и лбищенского типов III-IV вв. формируется именьковская культура V-VII вв. Гунны этот анклав никак не задевали – прежде всего, из-за его слишком большой удалённости от главных направлений их военно-политической активности, направленной в Закавказье в конце IV в. и на Западную и Восточную Римские империи в первой половине – середине V в. Так что начало существования именьковской культуры протекало спокойно. Но как это ни странно, война на её северо-восточной границе продолжалась.

Но теперь завоеватели именьковской культуры вынуждены были столкнуться с ожесточенным сопротивлением ополчений многочисленных родов мазунинской (бахмутинской) культуры, которыми командовали военные вожди и дружинники – носители культуры памятников тураевского типа, отлично вооруженные и обладающие огромным военным опытом, приобретенным, в том числе, в борьбе именно с этим противником. Что собой представляли эти тураевские воины, прекрасно видно по материалам одноименного могильника на востоке Татарстана. Всего на Тураевском могильнике В.Ф. Генингом в 1959, 1960 и 1969 гг. было исследовано девять курганов и начато исследование огромного поля грунтовых могил, завершённое в 1986-1990 гг. Н.В. Володого. Оказалось, что курганы были тотально разграблены в древности, лишь случайно от разграбления уцелело 6 подкурганых погребений [Генинг, 1976. С. 55, 56. Рис. 2].

Появление в Среднем Прикамье иерархизированных военных отрядов – носителей культуры курганых могильников тураевского типа, не могло не оказать влияния на их союзников, носителей мазунинской (бахмутинской) культуры. Так, на грунтовой (мазунинской) части Тураевского могильника была исследована совершенно необычная «могила 171, где был похоронен мужчина 40-50 лет, был обнаружен

железный меч с навершием в виде халцедонового диска, наконечник копья, нож, 4 железных и 2 костяных наконечника стрел, уздечка, украшенная бронзовыми накладками. Инвентарь носит явно смешанный характер...» и, по мнению удмуртских археологов, свидетельствует о том, что «...в среде местного населения заметно выделение собственной военной верхушки...» [История Удмуртии..., 2007. С. 224, 225]. На мой взгляд, этот мазунинский воин соответствовал рангу знатного тураевского дружинника, предводителя отряда местного ополчения, но никак не рангу тураевского военного вождя-«князя».

В конце IV-V вв. в Среднем Прикамье складывалось очень оригинальное постаршее военно-политическое образование, возникшее из союза общин и патронимий носителей мазунинской (бахмутинской) культуры и пришедших сюда иноземных, но достаточно родственных военных вождей-«князей» и их дружинников, носителей культуры курганов тураевского типа. Судя по совместным курганно-грунтовым могильникам на западных (Тураевский и Старомуштинский могильники) и восточных (Кудашевский могильник) границах ареала мазунинской (бахмутинской) культуры, по многочисленным городищам, поселениям и, особенно, грунтовым могильникам V в., внутри её огромной территории складывание этого образования происходило достаточно мирно. Оценивая мазунинские (бахмутинские) могильники V в., сохраняющие эгалитарные традиции, сложившиеся в предшествующее время, воздействие на лесное население со стороны тураевской группы неощутимо. Очевидно, все силы и время малочисленных тураевских военных вождей и их дружин расходовались в боях с противником на внешних фронтах.

Именно здесь становится совершенно очевидным, что мазунинско(бахмутинско)-тураевское постаршее образование действительно в V в. существовало. В течение длительной «столетней» войны конца IV-V вв. на западе продвижение носителей именьковской культуры было практически остановлено. Правда, место расположения Тураевского могильника западнее р. Тоймы было оставлено под натиском именьковцев. Захоронения на нём после середины V в. не производились, а сам могильник был раскопан с целью явного осквернения могил [Щит и меч отчизны..., 2008. С. 74].

Отступившие восточнее тураевцы стали хоронить своих военных вождей на Тарасовском грунтовым могильнике I-V вв. мазунинской (бахмутинской) культуры. Именно здесь в грунтовых ямах глубиной 2,3-2,4 м выявлены бескурганые погребения 1685 и 1784, где в деревянных гробовищах были захоронены погребённые, ориентированные головами на север и северо-запад, со всем положенным им «княжеским» инвентарём. У обоих «князей» в могилах были узкие мечи «позднесарматского» типа с шириной клинков 2,2-3,5 см, резко отличавшиеся от обычных в тураевских погребениях предшествующего времени мечей «германского» типа с широкими клинками. Шлемы и доспехи этих двух погребений отличались. В погребении 1685 присутствовал шлем с тульей, сваренной из узких вертикальных железных

пластин, приваренной с внешней стороны к железному ободу, нижняя его часть украшена двумя рядами заклёпок с крупными бронзовыми полусферическими головками, снабжен железными нащечниками. Здесь же присутствовали крупные фрагменты железного пластинчатого доспеха. В погребении 1784 был железный цельнокованный шлем полуяйцевидной формы, покрытый целиком серебряной фольгой и двумя перекрещивающимися через вершину полосками золотой фольги, удерживаемыми бронзовыми заклёпками, с железной кольчужной бармицей, крепившейся к кожаному подшлемнику. Здесь же был найден полный кольчужный доспех, разруб на котором был починен с помощью бронзовой проволоки [Голдина, Волков, 2000. С. 98-100. Рис. 7-17]. О том, что доспех из погр. 1685 Тарасовского могильника представлял собой остатки нагрудника с горизонтальным набором пластин, имеющим многочисленные аналогии в азиатских памятниках гуннской эпохи III-V вв., мне писать уже приходилось [Зыков, Фёдорова, 2001. С. 132-134. Рис. 23; 24]. Эти два погребения Тарасовского могильника, очевидно, являются самыми поздними захоронениями тураевского типа и датируются серединой – второй половиной V в. По сути дела, это было не просто перемещение некрополя военных вождей – носителей культуры тураевского типа, на территорию действующего большого могильника мазунинской (бахмутинской) культуры, но показателем уже глубоко зашедшей ассимиляции потомков пришельцев «тураевцев» в местной аборигенной среде. Они отказались от курганного обряда погребения и сменили ориентацию захораниваемых покойных.

Здесь же, на территории Тарасовского могильника, выявлены погребения дружинников, большинство из которых почти наверняка сопровождали захоронения военных вождей-«князей» середины – второй половины V века. Это 12 мужских могил, каждая из которых отвечала следующим обязательным условиям: наличие вещей конца IV-V вв., наличие не менее двух видов оружия, наличие признаков деревянного гробовища и могильная яма не менее 0,75 м глубиной от уровня фиксации. Последнее обстоятельство, вероятно, связано с моим желанием включить в число поздних тураевских дружинников погребение воина-кузнеца (погребение 782). Остальные погребения этой группы более глубокие: от 0,92 м (могила 790) до 2,06-3 м (могилы 1705, 1772, 1779 и 1850). Основную же массу составляют погребения глубиной от 1,06 до 1,68 м: 235, 474, 1703, 1777А, 1785 и 1787. Соблюдение этих условий позволяет отчлнить условно «тураевские» погребения Тарасовского могильника как от могил с оружием пьяноборской культуры I – первой половины III вв., так и от неглубоких захоронений, оставленных, скорее всего, носителями мазунинской (бахмутинской) культуры второй половины III-V вв. Те и другие насчитывают, по меньшей мере, ещё 17 погребений, для которых существует соблазн тоже относить их к дружинным. И это не учитывая значительного числа погребений огромного могильника, содержащих только по одному виду самого простого оружия – наконечников копий, стрел,

проушных топоров, боевых кос, боевых ножей. Их к дружинным захоронениям относить всё же не стоит.

Самым распространённым набором оружия в дружинных могилах «тураевского» типа Тарасовского могильника является сочетание в одном комплекте двулезвийного длинного меча и наконечника копья (погр. 2235, 474, 790, 1703 и 1779). В погребении 1772 этот набор дополнен боевым ножом и проушным топором. В двух комплектах (погр. 235 и 1703) обнаружены узкие мечи «позднесарматского» типа, а остальных – широкие клинки «германского» типа. Любопытно, что ни в одной из этих могил удили найдено не было. Набор вооружения в погребении 782 был проще: меч «позднесарматского» типа, боевой нож, железный решётчатый шлем и конские удила. Пояс и конская сбруя этого кузнеца-дружинника покрыты большим количеством бронзовых накладок.

Остальные тарасовские дружинные захоронения «тураевского» типа мечей не содержат. В них наиболее был распространён комплект из втульчатого наконечника копья и боевой косы (погр. 1777А и 1787), иногда дополняемый проушным топором (погр. 1850). В двух остальных случаях обнаружено сочетание наконечника копья и проушного топора (погр. 1785), боевой косы, втульчатого топора и двух костяных черешковых наконечников стрел (погр. 1705). Железные удила во всех этих могилах так же не были найдены [Голдина, 2003. Табл. 99, 205, 339-342, 347, 632, 633, 655, 656, 660-662, 669, 670, 672, 693, 694].

Очевидно, что основное отличие носителей памятников тураевского типа, оставивших одноимённые курганы конца IV – первой половины V вв. на востоке Татарстана, от их потомков середины – второй половины V в., оставивших группу погребений «тураевского» типа на Тарасовском могильнике, кроется в изменении погребального обряда последних. За более чем полувековой период жизни на территории мазунинской (бахмутинской) культуры «тураевцы» стали необратимо ассимилироваться в многочисленной среде её носителей. Захоранивая своих покойных на одних с мазунинцами кладбищах, они постепенно утратили обычай сооружения курганных насыпей над могилами, сами могилы стали ориентировать по принятому у финно-пермского населения Среднего Прикамья обыкновению, укладывая своих умерших головой к северо-западу или северу. К моменту сооружения своих погребений на Тарасовском могильнике, потомки «тураевцев» середины – второй половины V века ещё старались копать привычные им глубокие и просторные могильные ямы, умерших укладывать в деревянные гробовища, снабжая их привычным обильным погребальным инвентарём, прежде всего оружием и воинскими поясами. Но, по прежнему, пренебрегали мазунинскими украшениями причёски и керамической посудой. То есть шло постепенное слияние пришельцев – «тураевцев» и местного автохтонного населения в один этнический массив, объединённый общей социально-политической системой предгосударственного образования.

С точки зрения военной организации, «тураевские» дружинники Тарасовского могильника остались

тем же, чем они были и во времена Тураевского могильника – мощной эффективной пехотой, максимально приспособленной к ближним контактным видам боя. Только ранее, в конце IV – первой половине V вв., пехотная по набору вооружения сущность тураевских дружинников затушевывалась обязательным включением в состав их погребального инвентаря престижных конских удили и узды, придававших им вид «ездящей пехоты», этаких драгун эпохи Великого переселения народов, которыми они на самом деле не были. С момента появления на территории мазунинской (бахмутинской) культуры в конце IV в., тураевские дружинники выполняли роль младшего командного состава, своеобразных «офицеров», руководивших пехотными отрядами пополнений мазунинских патронимий, родов и племён Среднего Прикамья. В погребениях «тураевцев» середины – второй половины V в. Тарасовского могильника эта их роль младших пехотных командиров стала очевидной – в могилах перестали помещать конские удила. Они остались только в погребениях военных вождей-«князей» и особо приближенных к ним дружинников (погр. 782, 1685 и 1784 Тураевского могильника).

На восточной границе мазунинской (бахмутинской) культуры миграция зауральских угров также была остановлена. Южная их часть осела в реликтовой лесостепи Сылвенско-Иренского междуречья, где оставила памятники неволинской культуры бродовской (конца IV-V вв.), верх-саинской (VI в), бартымской (конца VI-VII вв.), неволинской (конца VII-VIII вв.) и сухоложской (конца VIII – первой половины IX в.) стадий. Северная часть зауральских угров, остановленная на границах Среднего Прикамья, вынуждена была осесть в Верхнем Прикамье, начав активно смешиваться с проживавшим здесь населением гляденовской культуры. Этим была заложена основа формирования средневековой ломоватовской культуры. Ещё полтора десятилетия назад Р.Д. Голдина предлагала выделить особую раннюю хронологическую стадию этой культуры – бурковскую конца IV-V вв. [Голдина, 1995. С. 29. Рис. 7]. Именно из Верхнего Прикамья уже смешанное угро-пермское население начинает заселять бассейн р. Чепцы, оставив здесь памятники гыркешурской стадии VI в. поломской культуры. То есть, опять же восточные мигранты аккуратно обходили территорию мазунинской (бахмутинской) культуры, что было бы невозможно без существования в Среднем Прикамье до начала VI в. сильного потестарного образования, о котором уже много говорилось.

Но далее произошла катастрофа. С начала VI в. мазунинская (бахмутинская) культура на большей части своего ранее занимаемого ареала просто исчезает. Только на его самом юго-востоке, на территории центра современного Башкортостана, в междуречье Белой, Бири и Уфы сохранился небольшой анклав, где ещё долго проживали остатки некогда многочисленного населения этой культуры. Судя по находкам из Бахмутинского и Бирского могильников, исследованных на территории этого анклава, население мазунинской (бахмутинской) культуры захора-

нивало своих покойных на них в VI-VII вв. Во многих исследованных археологическими раскопками могильниках этой культуры на всей остальной территории Среднего Прикамья нет ни одного погребального комплекса, который мог бы уверенно датироваться позднее V века.

На всей этой территории обнаружен и частично раскопан единственный могильник конца VI – первой половины VII вв. – у д. Петропавловской в Удмуртии. В 27 исследованных его погребениях выявлен довольно богатый инвентарь, но при этом не было ни одного глиняного сосуда. Большая часть его могил представлена труположениями, ориентированными головой на восток, а треть – трупосожжениями. По мнению автора раскопок, В.А. Семёнова, всё это свидетельствует об этнической неоднородности населения, оставившего могильник [История Удмуртии..., 2007. С. 226]. По моему мнению, этот памятник никакого отношения к мазунинской (бахмутинской) культуре и к её населению не имеет.

Что же произошло в Среднем Прикамье на рубеже V-VI вв. или в самом начале VI в.? Скорее всего – беспощадный военный разгром потестарного объединения носителей мазунинской (бахмутинской) культуры, возглавляемого носителями памятников тураевского типа, со стороны носителей именьковской и кушнаренковской культур. Большая часть населения этого протогосударственного образования была уничтожена вместе с его очень своеобразной культурой, а территория была оккупирована. На правых притоках Средней Камы появилось несколько городищ именьковской культуры VI-VII вв. К настоящему времени раскопками исследованы городища Верхний Утчан, Кузебаевское I, Староигринское, Благодатское I, Варалинское и другие. В материалах всех этих памятников выделяется четыре типа керамики: имеющей истоки в мазунинских памятниках (собственно верхнеутчанский тип), именьковской, поломской, кушнаренковско-караякуповской культур. Все вышеназванные городища и Петропавловский могильник были объединены в выделенную Р.Д. Голдиной и Т.К. Ютиной вернеутчанскую культуру VI-IX вв. Южной Удмуртии [Там же. С. 225, 226].

Однако, судя по изданным Т.И. Останиной материалам раскопок Староигринского и Кузебаевского I городищ, слои с именьковской керамикой на них явно более поздние, VI-VII вв., и перекрывают более ранние сооружения и слои с мазунинской керамикой и вещами IV-V вв. [Останина, 1985. С. 78-91; Она же, 2002. С. 48-56]. Если это действительно так, то утверждать о сохранении какого-либо постмазунинского населения после V века в Южной Удмуртии, а, значит, и согласиться с выделением «верхнеутчанской археологической культуры» со столь сложным многокомпонентным составом пока ещё преждевременно. Для этого необходимы новые исследования и гораздо более веские обоснования.

В районах южнее р. Камы, в бассейнах её левых притоков рр. Тулвы, Буя, нижнего течения Белой, её правого притока р. Быстрый Танып всё мазунинское (бахмутинское) население было уничтожено широ-

кой волной миграции новых зауральских пришельцев – завоевателей, носителей кушнаренковской культуры. То, что именно этот удар был смертельным для протогосударственного образования финно-пермского населения Среднего Прикамья – несомненно. Вряд ли существовала какая-либо координация в действиях восточных и западных завоевателей. Скорее всего, носители именьковской культуры просто воспользовались выгодными для себя результатами погрома, учинённого южнее Камы нашествием неукротимой конницы зауральских угров – кушнаренковцев. И поспешили добить на северном правобережье Камы своих буквально «вековечных» врагов – носителей мазунинской (бахмутинской) культуры и их союзников, носителей культуры памятников тураевского типа.

Кушнаренковская археологическая культура начала формироваться в южной лесостепи и северной степи Западной Сибири в период, синхронный времени существования памятников карымского этапа второй половины IV – начала VI вв. нижнеобской культуры таёжной зоны. Самые ранние датированные сосуды кушнаренковского облика найдены в погребениях курганного могильника Усть-Тара-VII конца IV-V вв. карымского этапа нижнеобской культуры в Омском Прииртышье [Зыков, 2010. В печати]. То есть, она формировалась в лесостепном и степном Зауралье как один из осколков саргатской культуры раннего железного века, несколько южнее ареала бакальской культуры бассейна р. Исеть, в пространстве от р. Иртыш на востоке до предгорий Уральских гор. Причины, побудившие часть кушнаренковских племён в конце V века покинуть Зауралье и двинуться в завоевательный поход в лесостепь Приуралья, были, очевидно, те же самые, которые заставили кочевников гуннов-савиров в это же время перекочевать из степей Тоболо-Иртышского междуречья в степи Западного Прикаспия – натиск с востока авар [Артамонов, 2001. С. 97-108, 145-160].

Завоевав почти всю лесостепную и южнолесную зону Приуралья, кушнаренковские племена на западе были остановлены сопротивлением массива носителей именьковской культуры в междуречье левых камских притоков – рр. Ик и Белая. На левобережье р. Белой и в бассейне её левых притоков сложился, вероятно, самый крупный массив из почти семи десятков выявленных археологических памятников – городищ, селищ, курганных и грунтовых могильников, местонахождений – с находками керамики кушнаренковского типа [Казанцева, Ютина, 1986. С. 110-129. Рис. 1]. Вторжение на территорию современного Башкортостана западносибирских племён – носителей кушнаренковской культуры принято датировать «рубежом VI-VIII вв.» [Иванов, 1994. С. 77-80] по появлению многочисленных погребений Манякского грунтового могильника, Ново-Биккинского, Булгарского курганов, курганов 8-14, 29, 43, 46, 54-57 Лагеревского могильника, датированных Н.А. Мажитовым VII-VIII вв. [Мажитов, 1981. С. 5-29. Рис. 1-11]. Но, по моему мнению, это конец VI – VII вв. И всё же, датировать начало вторжения вос-

точных завоевателей следует не по их погребальным памятникам, оставленным в уже завоеванной и прочно удерживаемой ими земле «обретённой новой родины», а по времени прекращения существования и гибели предшествующей мазунинской (бахмутинской) культуры в самом начале VI века.

Эта датировка удивительно совпадает с первым ещё смутным известием византийского историка Прокопия Кессарийского от 504 г. о появлении новых неизвестных до сих пор кочевников – варваров в северных областях Сасанидской империи в Закавказье. С ними персидский шах Кавад вынужден был вести продолжительную войну, прервав удачный поход против Византии. Этими кочевниками были, вероятно, гунны-савиры, пришедшие из степей Западной Сибири [Артамонов, 2001. С. 97].

Участь населения мазунинской (бахмутинской) культуры была печальна. Устоять перед нашествием восточных завоевателей они не смогли, а укрыться им было негде. Носители кушнаренковской культуры наступали не в поисках новых подданных, им было необходимо только пространство лесостепной зоны для собственного проживания, свободное от всех, живших здесь ранее. А как могли воины кушнаренковской культуры обращаться с завоёванным мирным населением, прекрасно видно по материалам полностью раскопанных Бартымских поселения и могильника неволинской культуры. Во второй половине VII в. поселение было сожжено, а все его жители убиты. Всего найдено при раскопках 19 могил с 60 костяками мужчин, женщин, стариков и детей [Голдина, Водолаго, 1990. С. 37-47. Табл. XI-XIV]. И это результат обычного грабительского набега на близкородственных угров, потомков той же зауральской саргатской культуры, от которой произошла и кушнаренковская. Легко представить, что происходило в условиях тотального завоевания территории, населённой неродственным, иноязычным для завоевателей народом.

Удивительно другое – в условиях завоевания уцелел небольшой южный анклав населения мазунинской (бахмутинской) культуры, проживавшего между реками Белой и её правыми притоками Бирью и Уфой. Скорее всего, это произошло случайно. Восточные завоеватели, не собиравшиеся захватывать территорию турбаслинской культуры, возможно, даже заключившие мир с вождями её носителей, аккуратно старались обойти её ареал. При этом они случайно обошли городища и поселения мазунинской (бахмутинской) культуры, расположенные вблизи северных границ ареала турбаслинской культуры. Так или иначе, но они и всё их население избежали ужасов погрома начала VI века, гибель мазунинской (бахмутинской) культуры и почти всех её носителей на большей части её территории. Только население этого небольшого южного анклава продолжало сохранять в VI-VII вв. основные традиции уже погибшей культуры: погребальный обряд, основные наборы погребального инвентаря и специфические типы круглодонных керамических сосудов.

Правда, севернее реки Бирь на территории лесов Уфимского плато в бассейне среднего течения

Уфы и Быстрого Таныпа известно по археологическим разведкам довольно большое количество поселений и городищ с керамикой бахмутинского (чандарского) типа, хорошо известного по находкам на Бирском и Бахмутинском могильниках. Но сумело ли здесь сохраниться население мазунинской (бахмутинской) культуры, избежавшее тотального погрома со стороны полукочевого населения кушнаренковской культуры, которым эта заселённая экологическая ниша была не очень-то интересна, или эта опустевшая местность была вновь заселена в VI-VII вв. с юга уже собственно представителями бахмутинского (постмазунинского) населения – на сегодняшний день неизвестно. Тем не менее, весь этот период остаточная позднемазунинская (бахмутинская) группа населения подвергалась ассимиляции со стороны своих соседей – носителей турбаслинской и, особенно, кушнаренковской культур. К концу VII в. самостоятельное существование этого финно-пермского анклава закончилось. Скорее всего, он был полностью поглощён кушнаренковской культурой, существовавшей до первой половины VIII века.

Именно при такой интерпретации Бирского и Бахмутинского могильников, на которых выделяются погребения VI-VII вв., относящиеся к остаточной группе финно-пермского населения, можно согласиться на выделение особой бахмутинской археологической культуры. Но только для небольшого ареала между речьями Бири и Уфы и при обязательном исключении всех погребений ранее VI века, относящихся к единой мазунинской (бахмутинской) культуре всего Среднего Прикамья. Существующий в современной историографии взгляд на бахмутинскую культуру [Мажитов, 1968; Степи Евразии..., 1981. С. 25-27. Рис. 11; 13] нуждается в существенной корректировке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агапов С.А., Пестрикова В.И., Салугина Н.П. Памятники славянского типа в Куйбышевской области // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981.

Агеев Б.Б., Мажитов Н.А. III Кушелевский могильник пьяноборской культуры // Археологические работы в низовьях Белой. Уфа, 1986.

Артамонов А.Н. История хазар. СПб., 2001.

Ашихмина Л.И. Клад с Буйского городища // Новые археологические исследования на территории Урала. Ижевск, 1987.

Бажан И.А., Васкул И.О. О связях населения лесной полосы Восточной Европы с Прибалтикой в первой половине I тыс. н.э. // Памятники эпохи камня и металла Северного Приуралья. Сыктывкар, 1988.

Белорыбкин Г.Н. Исследование Устьюзинского 2 могильника // Пензенский археологический сборник. Вып. I. Пенза, 2007.

Богачёв А.В. Большой дом Старо-Майнского городища // Археологические исследования в лесостепном Поволжье. Самара, 1991.

Боталов С.Г. Гунны (попытка культурогенеза) // XIV УАС. ТД. Челябинск, 1999.

Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. Гунно-сарматы Урало-Казахских степей. Челябинск, 2000.

Васюткин С.М., Калинин В.К. Ново-Сасыкульский могильник // Археологические работы в низовьях Белой. Уфа, 1986.

Генинг В.Ф. Азелинская культура III-V вв. Очерки истории Вятского края в эпоху великого переселения народов. Свердловск-Ижевск, 1963.

Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. I. Чегандинская культура III в. до н.э. – II в. н.э. Свердловск-Ижевск, 1970.

Генинг В.Ф. Тураевский могильник V в. н.э. (Захоронения военачальников) // Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976.

Голдина Р.Д. Погребальный обряд Худяковского могильника // Этнические и социальные процессы у финно-угров Поволжья (I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.). Йошкар-Ола, 1987.

Голдина Р.Д. О датировке поломской культуры // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск, 1994.

Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999.

Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I-V вв. на Средней Каме. Т. III. Ижевск, 2003.

Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I-V вв. на Средней Каме. Т. I. Ижевск, 2004.

Голдина Р.Д., Водолого Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск, 1990.

Голдина Р.Д., Волков С.Р. Шлемы Тарасовского могильника // УАВ. Вып. 2. 2000.

Гришаков В.В., Зубов С.Э. Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы. Казань, 2009.

Зыков А.П. Барсова Гора: археология средневековья и нового времени Сургутского Приобья (в печати).

Зыков А.П., Фёдорова Н.В. Холмогорский клад: коллекция древностей III-IV веков из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург, 2001.

Иванов В.А. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железного века. М., 1984.

Иванов В.А. Откуда ты, мой предок? (Взгляд археолога на древнюю историю Южного Урала). СПб., 1994.

История башкирского народа. Т. I. М., 2009.

История Удмуртии: с древнейших времён до XV в. Ижевск, 2007.

Казанцева О.А., Ютина Т.К. Керамика кушнаренковского типа Благодатского I городища // Приуралье в древности и средние века. Устинов, 1986.

Кониолли П. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. М., 2000.

Кропоткин В.В. О некоторых находках римских монет в Среднем Поволжье и Прикамье // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.

Лецинская Н.А. Хронология и периодизация могильников бассейна р. Вятки (I – начало II тыс. н.э.) // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск, 1995.

Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. М., 1968.

Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII-XII вв. М., 1981.

Мажитов Н.А. Комплексы с монетами VIII в. из Бирского могильника // СА. 1990. № 1.

- Мажитов Н.А.* Материалы к хронологии средневековых древностей Южного Урала (VII-XI вв.) // Хронология памятников Южного Урала. Уфа, 1993.
- Матвеева Г.И.* Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тысячелетии нашей эры // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986.
- Овсянников В.В.* Погребения «военачальников» (к проблеме реконструкции военной организации у финно-пермяков Прикамья) // Вооружение и военное дело древних племён Южного Урала. Уфа, 1994.
- Останина Т.И.* Городище-убежище раннего средневековья у д. Старая Игра // Материалы средневековых памятников Удмуртии. Устинов, 1985.
- Останина Т.И.* Население Среднего Прикамья в III-V вв. Ижевск, 1997.
- Ошибкина С.В.* Погребальный обряд азелинской культуры по материалам могильника Тюм-Тюм // КСИА. № 158. 1979.
- Пастушенко И.Ю.* К вопросу об этнокультурной принадлежности «тураевцев» // Урал в прошлом и настоящем. Материалы науч. конф. Ч. I. Екатеринбург, 1998.
- Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. Археология СССР. М., 1993.
- Смирнов А.П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. № 28.1952.
- Смирнов А.П.* Железный век Чувашского Поволжья // МИА. № 95. 1961.
- Старостин П.* Об этнокультурной ситуации в Нижнем Прикамье в первой половине I тыс. н.э. // Finno-Ugrica. 1997. № 1.
- Степанов П.Д.* Андреевский курган: к истории мордовских племён на рубеже нашей эры. Саранск, 1980.
- Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981.
- Халиков А.Х.* Об этнокультурной ситуации в Среднем Поволжье и Приуралье в I тысячелетии нашей эры / / Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986.
- Щит и меч отчизны. Оружие Урала с древнейших времен до наших дней. Екатеринбург, 2008.
- Шукин М.Б.* Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб., 2005.
- Jordanus. Getica. – Иордан.* О происхождении и деяниях гетов // Пер. Е.Ч. Скржинской. СПб., 1997.